

в рабов, в тиранов превращает»⁹ (I, 222). Карамзин спокойно говорит, что «хлебники, сапожники, портные играют часто важнейшие роли в базельской республике» (I, 212), хотя сам скорее симпатизирует аристократической республике, прототипом которой является Спарта — страна суровых и сильных людей и сильной власти.¹⁰ «Мудрые цюрихские законодатели, — пишет Карамзин, — знали, что роскошь бывает гробом вольности» (I, 239). Но основой счастья швейцарцев является их добродетель, с потерей которой они могут потерять все: от нравственной болезни «рано или поздно умирает свобода в республиках» (I, 247). Поэтому и эстетические вкусы швейцарцев основаны на морали: «Иногда сходятся две, три, четыре приятельницы — разговаривают дружески — вместе работают или читают Геснера, Клопштока, Томсона и других писателей и поэтов, которые не приводят целомудрия в краску» (I, 238).

Если это и идиллия, то идиллия в духе Руссо, а не Геснера. Карамзин «помышляет о своем человечестве», изображая жизнь свободных тружеников — детей «натуры», которые «хорошо понимают язык сердца» (I, 226), которые добродетельны, суровы, скромны и живут в братском союзе. Нетрудно узнать здесь идеал Руссо.¹¹

Однако недостаточно сказать о близости общетеоретического подхода к Швейцарии Руссо и Карамзина. Общность наблюдается и в методе изображения жизни швейцарцев. Многие конкретные черты швейцарского быта Карамзин осмысляет в свете «теорий», философски, то, что лежит на поверхности, связывает с широким кругом общечеловеческих проблем, т. е. через Руссо Карамзин усвоил просветительский метод изображения.¹² Вот, например, как пишет Карамзин о бернских домах: «Домы почти все одинакие: из белого камня, в три этажа, и представляют глазам образ равенства в состоянии жителей, не так, как в иных больших городах Европы, где часто низкая хижина преклоняется к земле под тенью колоссальных палат» (I, 249—250). Вряд ли возможно это назвать беспристрастным описанием архитектуры. По своей

⁹ На связь содержания этой песни с идеями Руссо указал Ю. М. Лотман в статье «Руссо в русской культуре XVIII века» (в кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 584).

¹⁰ Спарта была идеалом и Платона, и Руссо, которые оказали влияние на формирование мировоззрения Карамзина. Подробнее см.: Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. — В кн.: Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1966 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 7—18.

¹¹ О восприятии Карамзиным ряда идей Руссо писал Х. Роте в недавно вышедшей монографии (Rothe H. N. M. Karamsin europäische Reise. Berlin—Zürich, 1968). Но эта преемственность идей не учитывается немецким исследователем при анализе швейцарских глав «Писем».

¹² На существование двух планов — житейского и философского — в прозе просветителей указал Н. Я. Берковский в статье «Реализм буржуазного общества и вопросы истории литературы» (в кн.: Западный сборник. Л.—М., 1937, с. 53—58).